

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая свой труд, историк подобен инженеру-создателю моста в тот самый момент, когда он по традиции стоит под пролетом нового сооружения и смотрит, как первый поезд медленно вползает на такие ажурные и хрупкие снизу конструкции. Инженер знает, что расчеты точны, что мост построен надежными руками, но он не может подавить в себе волнения, почти физически ощущая тот тяжкий груз ответственности, который лег на его плечи. Мост историка, переброшенный через реку Времени в Прошлое, тоже построен в полном соответствии с законами его науки и из прочного материала проверенных фактов. Но все равно, ставя точку, автор книги волнуется, ощущая груз ответственности за то, как он отобразил прошлое и показал людей, живших более двух столетий назад. Эти люди, как тонко заметила О. Г. Чайковская, «целиком зависят от нас, поскольку живут только в нашей памяти, другой жизни у них уже нет»¹. Вот почему, прочитав сотни документов, написанных рукой героев своей книги, историк спешит в залы музея и долго стоит перед потемневшими от времени портретами людей, о которых он писал, и, вглядываясь в их лица, пытается прочесть в них ту разгадку прошлого, над которой он думал в тиши читального зала и кабинета. И полной уверенности в правильности решений у него не будет никогда. Всегда историк несет ответственность за свое прочтение прошлого, за прочность того моста, который он построил для других.

Время, которому посвящена эта книга, не может быть оценено однозначно. Петровские реформы в различных сферах жизни русского общества через 20—30 лет сразу стали явлением необратимым. Как невозможно было остановить время и вернуть XVII век, так невозможно было отказаться от великого наследия преобразователя России. Эта необратимость, обусловленная жесткой необходимостью, потребностью великой страны, которую гениально уловил Петр, была явно сильнее желаний консерваторов или капризов ближайших преемников Петра.

После петровских реформ для России нового времени уже не было другого пути развития, чем тот, что был задан Петром. Активная внешняя политика, мощная регулярная армия и флот, развитая торговля и промышленность, ориентированная прежде всего на нужды обороны, поощрение развития национальной культуры и образования — все эти аспекты политической док-

трины Петра стали признанной целью послепетровских правительств. Но были оттенки, нюансы, влиявшие на последовательность и темпы реализации этих целей на практике. Эти нюансы, нередко зависевшие от личности властителя и его советников, становились в конечном счете важным фактором, воздействовавшим на общее развитие страны.

Елизаветинское время было, несомненно, благоприятно для движения по пути, проложенному Петром, что проявилось во многих сферах жизни страны. Внешняя политика елизаветинского времени в отличие от политики второй половины 20-х — начала 40-х годов XVIII в. стала более последовательной в достижении тех целей национальной политики, которые Петр считал важнейшими для страны. Эта черта русской политики особенно рельефно отразилась в участии России в Семилетней войне. Война, каковы бы ни были ее конечные результаты, стала испытанием не только мощи русской армии, но и прочности той внешнеполитической системы, основания которой были заложены Петром, а развиты при Елизавете и во второй половине XVIII в.

Очевидны были успехи и в экономическом развитии страны. Данные статистики с несомненностью говорят как об огромных возможностях русской промышленности и торговли, так и о их интенсивном развитии. В описываемое время возможности феодального способа производства еще не были исчерпаны и инерция движения, заданная Петром, не только не затухала, но благодаря протекционистской политике его дочери все более усиливалась.

Благоприятно сказался рассматриваемый период и на развитии русской национальной культуры. Ломоносов — явление этой культуры — творил наиболее плодотворно именно в 40—60-е годы XVIII в. В эти годы русская литература, живопись, театр, архитектура, музыка, творчески осваивая те культурные ценности, которые были принесены в ходе петровской культурной реформы, создали много шедевров, ставших в один ряд с ценностями других периодов. В целом путь русской национальной культуры последующего времени пролегал и через 40—60-е годы, и теперь можно с уверенностью сказать, что эти годы не были для нее потерянными временем.

Елизаветинское правительство пришло к власти под лозунгом восстановления петровских «начал» во внешней и внутренней политике. Если в торгово-промышленной сфере, а также в сфере культуры и внешней политики это было в значительной степени осуществлено, то в других сферах политики правительство Елизаветы постигла неудача. Она была обусловлена не только тем, что бездумное следование не совсем ясно представляемым идеалам политики прошлого и не могло принести успех, но и тем, что генеральная петровская концепция служения «общему благу» всех подданных до царя включительно (означавшая для дворянства суровую пожизненную службу государству) уже не могла быть осуществлена на практике — резкое усиление социально-

экономических позиций дворянства в результате его консолидации в предшествующую эпоху дало свои плоды. Дворянство выступало сплоченной корпорацией, четко осознававшей свое господствующее положение и стремившейся использовать его с максимальной для себя пользой. Следствием этого стало усиление претензий господствующего класса-сословия к самодержавию в виде требований гарантировать ему благоприятные условия существования за счет других классов и сословий и даже претензий на политическую власть, хотя значение последней тенденции не следует преувеличивать, ибо режим абсолютной монархии в целом отвечал интересам дворянства.

В итоге могущество огромной империи, год от года набиравшей силу, покоилось на фундаменте крепостничества, и расцвет империи был расцветом власти дворянского сословия, составлявшего ничтожную часть населения, но сосредоточившего в своих руках основные богатства страны. В елизаветинское время помещичья эксплуатация приобрела те суровые формы, которые, с одной стороны, давали помещику возможность обогащаться за счет не контролируемого никем увеличения ренты, а с другой — естественно и неизбежно вели к истощению ресурсов крестьянского хозяйства. В значительной степени именно в елизаветинское время оформилась та широко известная по русской художественной литературе система — крепостное право, когда преступления помещиков, крепостные оркестры, гаремы «пастушек», купля-продажа людей в розницу и оптом стали нормой, заурядным явлением. Все это сочеталось с унижением человеческого достоинства, надругательством над личностью, почти полным параличом политической, общественной жизни большей части подданных абсолютного монарха. Господствующая политическая система самодержавия закрывала путь к власти не только иным — кроме дворянства — общественным силам, но и нередко способным представителям господствующего класса. Фаворитизм, коррупция, невежество, боязнь принять решение и взять ответственность за его исполнение, мертвящий бюрократизм — все эти и другие пороки управления системы абсолютной монархии дорого обходились стране, как и непомерная роскошь двора ее взбалмошной правительницы, не унаследовавшей ни талантов, ни энергии своего отца и не способной решать проблемы великого государства.

Нельзя сказать, что в елизаветинское царствование народ безмолвствовал. Как и в прежние времена, суровые, отталкивающие формы крепостничества, жестокая эксплуатация вели к бегству и активному сопротивлению крестьян власти помещиков и государства. Наследие борьбы Разина и Булавина жило в сознании народа. В елизаветинское время уже родились те, кто позже встал под знамена Пугачева.